

Михаил Скопин-Шуйский (2)

Архангельской губернии.

«Да и много Скопін да по землям бывал¹,
Кабы много Скопин городов бирал,
Да не взявши от города не отъежживал,
Не боялся Скопин да дваццети полков,
Дватцети пети полков, да полков тысячных;
Да Малютина князя во служенье брал,
Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки,
Чашки-ложки, я, мыть, да повареноцьки».
Да и это Малюты да за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Побежала Малюта да дочь Скурлатьевна:
«Ох ты ой еси солнышко Владимир-князь!
Ты поверь, ты поверь мне золоты ключи,
Ты поверь, ты поверь мне кованы ларьци,
Ты позволь мне сходить да во темны погребы,
Ты позволь мне налить цяру зелена вина,
Да вчера мы ведь с кумушком кумилисе,
Да сегодня ведь хресника проздравить надь».
Говорит-то ведь солнышко Владимир-князь:
«Ох ты ой еси, Малюта дочь Скурлатьевна!
Да поверены тебе золоты ключи,
Да поверены тебе да темны погребы».
Побежала Малюта дочь Скурлатьевна,
Наливала она цяру зелена вина,
Наливала не малу, да полтора ведра,
Да положила она тут зелья лютого,
Да положила она сала змеиноного,
Да подносит Скопину, сыну Ивановичу,
Поближешинько она да придвигаитсе,
Понижешинько она да покланяйтсе:
«Ох ты ой есь Скопин да сын Ивановиць!
Уж ты выкушай цяру зелена вина».
По краям-то у цяры да ровно ключ кипит,

По середке у цяры ровно огонь горит.
Да берет-то Скопин цяру единой рукой,
Да и сам де за цярой выговариват:
«Ох вы ой есь, дружинушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина да заговорная!
Уж вы руськие могуцие богатыри!
Уж как пить мне-ка цяра — живому не быть,
А не пить мне-ка цяра дак виновату быть.
Уж я выпью как цяру да зелена вина,
Вы тащыте меня да вон на улицу,
Посадите меня вы на добра коня,
Привезите меня да ко добру коню,
Спроводите коня да ко свою двору,
Пусть и знат про меня да родна матушка».
Кабы выпил Скопин цяру зелена вина, —
Покатилася с плеч буйна головушка,
Да свалилася она да на широку грудь,
Кабы ниже она стала могуцих плець.
Тут увидели руськие богатыри,
Потащили его да вон на улицу,
Посадили его да на добра коня,
Привезали его да ко добру коню,
Спроводили коня да ко свою двору,
Ко свою двору, високу терему.
Как увидела матушка родимая,
Как и едет Скопин да сын Иванович,
Да выскакивала она да на красно крыльцо,
Да стрецяла она сына сердецьного:
«Ох ты ой есь Скопин да сын Иванович!
Да дитя ты мое, дитя родимое,
Да ты цядо мое, цядо мое сердечное,
Уж ты што же нынь едешь да не по-старому,
Не по-старому ты едешь, да не по-прежнему,
Повеся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да оци ясныя,
Потопя ты их держишь да в мать сыру землю».
Говорил-то Скопин да сын Ивановиць:
«Ох ты ой еси матушка родимая!
Матера ты Омельфа Тимофеевна!

Уж я был у князя да на чесном пиру,
Прибезчестил молоду да дочь Скурлатьевну,
Воспромолвил же я да нынь такую рець:
«Уж я много Скопин по землям бывал,
Уж я много Скопин да городов бирал,
Да не взявши от города не отъежживал,
Не боялся Скопин да двадцети полков,
Двадцети пети полков, да полков тысячных,
Да Малютина-князя во служенье брал,
Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки».
Подавала она мне цяру зелена вина,
Не великую не малу, да полтара ведра,
Да положила она тут зелья лютого,
Да положила она тут сала змеиноного,
Да и выпил я цяру да зелена вина.
Ох ты ой еси матушка родимая!
Да бежи ты скорее нынь по попа-отця,
По попа де, отця, да по духовного,
У меня есть на душе да три тяжелых греха».
Розорвала тут матушка родимая,
Да и вси тут, все пуинки шолковыя,
Да снимала она его со добра коня,
Побежала старуха да скоро-на́скоро,
Привела она попа-отця духовного,
Да сказал он ему да три тяжелых греха,
Да заключилса у него тут говорун-езык.
Кабы тут де старухи да за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Заскакивала она да на добра коня,
Да гонила она да в стольной Киев-град,
У ворот она не спрашивает приворотничков,
У дверей она не спрашивает придверничков,
Заеждяет она на улицу широкую,
Да в крылечко клюкой стала поколачивать:
«Да подай-ко, подай, князь, виноватого,
Уж и худо потребил дитя сердечного,
Как того же Скопина сына Иванова:
Наливала Малюта цяру зелена вина,
Не велику не малу, полтора ведра,

Да положила она тут зелья лютого,
Да положила она сала змеинога».
А и тут Малюта нынь на юход ушла.
А садился тут солнышко да за дубовой стол,
Он писал ерлыки да скоры грамоты,
Рассылал он по городу по Киеву,
Розыскать Малюту дочь Скурлатьевну.
А на то де старуха была догадлива,
А сама де старуха в сугон поехала,
Да выдернула она ныньце сырой дуб,
Уколотила она Малюту доць Скурлатьевну².
А увидела старуха да стара-мáтера,
Как слетелись де ныньце два ворона,
А один-то ле ворон да царя белого,
А другой от де ворон да царя черного,
Они бьются-дерутся, пуще ратятся,
Ни которой другого победить не могут нынь.
А змолилса ле ворон да царя белого:
«Помоги ты мне старушка, да стара бабушка,
Потребити мне ведь ворона, мне ведь черного,
Уж я сделаю тебе добро великое».
Да натегивала старуха ныньце тугой лук,
Зарежала-то стрелоцьку калёную,
Да подстрелила ворона неверного.
Да слетал ныньце ворон по живу воду,
Да и отдал старухе, да старой бабушке;
Помазáла она сына ныньце любимого,
Помазала она его во первой након,
Помазала она его во другой након,
Да плеснула она ему на бело личо,
Стрепенулса Скопин да сын Иванович;
Кабы тут де Скопин да пробужаитсе,
От великого сну да просыпаитсе;
Да скакл-то Скопин на резвы ноги:
«Уж я долго де спал, да всё пора ставать».

(Записана Н. Е. Ончуковым в 1902 г. в д. Чуркиной, Устьцылемской волости, от кр. Ф. Е. Чуркиной. Напечатана в сб. «Печорские былины», 1904 г., стр. 33-36)

1 Только с этих слов знает Ф. Чуркина старину про Скопина, так же как и многие другие сказатели Устьцылемской волости. В Пустозерской волости эту старину знают сначала.

2 Отсюда, сказала мне Ф. Чуркина, она пела старину в первый раз, но как поют другие, прежде слышала.

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.